

Двор был полон тишины, прерываемой лишь тихими всхлипываниями. В деревне хватало женщин, умеющих громко оплакивать умерших, но сейчас никто не мог позволить себе прежнего громкого плача. Сегодняшние события заставили всех ясно осознать, с каким жестоким миром они столкнулись.

— Как эти крысы попали сюда? — спросил Гао Чан у Чжэн Гохуна.

Домашние крысы умеют рыть норы, но не особенно искусны в этом. Их ходы обычно не превышают трёх метров в длину. Даже если они мутировали под воздействием синего солнечного света, Гао Чану было трудно поверить, что они прорыли туннель под свиным рвом вокруг их двора.

— Вырыли нору из зала. Я приказал залить её кипятком и засыпать камнями. На какое-то время они не смогут выбраться, — ответил Чжэн Гохун, который сегодня оставался в доме и своими глазами видел, как погибли эти люди. Его только что толкнул мужчина, потерявший жену, и теперь он выглядел крайне подавленным.

— Они прорыли изо рва?

— Кипяток стекал в свиной ров, так что, видимо, они прорыли через щели в камнях.

— Тогда нужно заделать все щели, иначе... — Гао Чану было тяжело на душе. Несколько дней назад эти дети сидели у его очага, надеясь получить кусочек змеиного мяса, а теперь они лежали в зале. Сердце у всех болит, и Гао Чан, хоть и не особо любил детей, не мог оставаться равнодушным к такой сцене.

— Взгляни на них, — Чжэн Гохун кивнул в сторону мужчин во дворе.

Одни рыдали, закрыв голову руками, другие сидели с каменными лицами рядом с телами своих родных, а третьи обнимали жён и детей, сжавшись в комок. Чжэн Фаньи и Чжэн Цуньган всё ещё сражались, и никто из них не мог выйти работать.

— Кто может двигаться, пусть начинает действовать.

Сейчас не время для размышлений. Гао Чан вышел во двор, позвал Мяоцзая, и из кучи дров раздалось кошачье мяуканье, звучавшее слегка раздражённо. Подойдя ближе, он увидел, что кот увлечённо поедает кучу мёртвых крыс.

Среди них несколько крыс всё ещё имели раздутые животы, и Гао Чан не сомневался, что внутри переваривалось человеческое мясо. Мысль о том, что это мясо в итоге окажется в желудке Мяоцзая, вызвала у него отвращение, но он не мог найти причин, чтобы запретить коту есть этих крыс. Кошки по природе своей — охотники на грызунов, и в суровых условиях природы человеческие предрассудки и брезгливость не имеют никакого значения.

Снаружи лил дождь, временами грохотал гром, усиливая атмосферу отчаяния и скорби во дворе. Но работа должна была продолжаться. Гао Чан и Чжэн Гохун с сыном первыми вышли из зала. Сына звали Чжэн Яньцин, он обычно был молчалив, но сегодня, увидев, что отец собирается заделывать дыру в стене, решил помочь.

Гао Чан собрал в бамбуковой роще камни разных размеров, положил их в мешок, который привязал к поясу, взял молоток и спустился в свиной ров, притащив с собой лестницу. Вместе с ним спустился и Да Хуан.

Гао Чан и Чжэн Гофэн начали с нижней части стены, а Чжэн Яньцин, взобравшись на лестницу, занялся более высокими участками. Да Хуан следил за обстановкой, чтобы дикие кабаны не напали внезапно. Однако сегодня кабаны вели себя спокойно. На дне рва были видны остатки непережёванного крысиного мяса, что говорило о том, что они тоже хорошо поели и потому были менее агрессивны.

Сначала работали только они трое, но постепенно к ним присоединились и другие. Несколько женщин сверху бросали им камни, видимо, они тоже вышли из двора. В дождливую ночь снаружи не было особой опасности — змеи и насекомые укрылись от дождя.

Гао Чану показалось, что кто-то тихо плачет, работая, но дождь лил всё сильнее, а гром и молнии не прекращались, и он решил, что, возможно, ему послышалось. К полуночи некоторые начали терять силы, по двое-трое возвращаясь во двор. Накануне они проснулись среди ночи, чтобы отправиться за едой, а затем пережили шок, промокнув под дождём. Даже крепкие мужчины деревни не выдерживали такой нагрузки.

На рассвете проливной дождь наконец прекратился. Гао Чан, стоя на лестнице, заделывал последнюю часть стены, вбивая камни в отверстия, чтобы крысы не могли пролезть.

Да Хуан лежал на стене, прижав уши и наблюдая за бодрыми кабанами внизу. Его шерсть промокла и ещё не высохла, слипшись в небольшие пучки. Когда первый луч синего солнечного света пробился сквозь бамбуковую рощу, Гао Чан закончил работу и, взглянув на вялую собачью голову наверху, невольно улыбнулся.

Когда в их деревне вырыли рвы и завели диких кабанов, несколько семей, живших поодиночке, перебрались в эти три двора. Хоть и приходилось платить аренду, это было лучше, чем ждать смерти на улице.

Крысы, по неизвестной причине, начали действовать стаями. Мутировав, они стали более опасными, а их численность увеличилась, и теперь они не боялись ничего. Слухи доходили, что и другие два двора подверглись нападению крыс, но подробностей Гао Чан и его соседи не знали.

К счастью, дикие кабаны оказались достаточно сильными, чтобы противостоять крысам. Эти кабаны с толстой кожей были практически неуязвимы для других животных, и в этих горах у них не было естественных врагов. Тем более что кабаны, которых Гао Чан и его люди привели,

были потомками мутировавших самок, и теперь, живя в рву под синим солнечным светом, они стали ещё крепче.

Эти кабаны ели всё, что попадалось им на пути: змей, крыс, насекомых — всё, что можно было проглотить, они смело пережёвывали, не боясь даже ядов. Любое живое существо, попавшее в их ров, становилось добычей, и если оно не успевало убежать, то оказывалось в желудке кабана. Животные не лишены ума, и обычно все обитатели окрестностей избегали этого рва, а значит, и двора, который он окружал. До этого нападения крыс ни один из дворов не подвергался таким атакам.

Их двор сильно пострадал от нападения крыс. Похоронив погибших, люди несколько дней не выходили на поиски еды, ограничиваясь только необходимыми делами, такими как забор воды и вынос ночных горшков.

В тот вечер Гао Чан вместе с Да Хуаном и Мяоцзаем вышел во двор ужинать. Едва он взял палочки, как к нему подошёл Чжэн Чжаньпэн с миской в руках. Во время атаки крыс его жена осталась невредима, сын был спасён, но оба старика погибли, защищая внука.

— Гао Чан, мне нужно с тобой кое-что обсудить, — Чжэн Чжаньпэн, обычно предпочитавший ходить вокруг да около, на этот раз был прямолинеен.

— Что случилось? — Гао Чан ковырялся в еде, не испытывая аппетита. За эти дни, проведённые во дворе, их питание сильно ухудшилось.

— Дело в тех диких кабанах. Когда Пятый дедушка пришёл за ними, мы не знали, насколько они важны, и боялись обидеть его, поэтому никто не возражал. Этот старый лис, наверняка, уже всё продумал и забрал у нас четырёх кабанов, а Сивэйский двор получил трёх. Хорошо, что ты тогда не взял их зерно. Теперь все увидели, насколько кабаны важны. Скажи слово, и я пойду заберу их обратно, — Чжэн Чжаньпэн говорил с возмущением.

Хотя он обычно был скуповат, его уважали за почтительность к родителям. Теперь, когда они погибли, он всё больше злился, вспоминая, как Пятый дедушка забрал кабанов.

<http://bllate.org/book/15437/1369054>